

Узун-Агач, 29 ноября 1977 года

Вчера помогали кухонному наряду. Вшестером почистили 2,5 мешка картошки. В кино не ходили, а после ужина сразу за работу. Кончили в двенадцатом часу, вышли на улицу. Небо, полное звёзд, яркая луна, ни одного облачка. Так хорошо и так грустно.

Сегодня наш взвод был на земляных работах, занятий не было.

Узун-Агач, 1 декабря 1977 года

Вчера мы впервые видели снег (мелкий-мелкий снежок покружился немного и пропал). Здесь много деревьев и, говорят, летом очень красиво. Не знаю, застанем ли мы эту красоту.

Каждое утро у нас бывает утренний осмотр. Проверяют подворотнички, бляхи, сапоги и пр.

Узун-Агач, 9 декабря 1977 года

Вчера мы ходили в соседнюю часть на комсомольскую конференцию — так сказать, групповое увольнение (нас было сорок человек). Прошли по грязным улицам (осень у нас в Узун-Агаче), вымыли ноги и зашли в ворота. Открылась нам картина, коренным образом отличающаяся от нашей учебки. Большой клуб, магазин, чайная, казармы трёхэтажные и т.д. (замечу в скобках, что у нас все здания одноэтажные).

Внутри клуб похож на дворец, широкоформатный кинозал, где и проходила наша конференция. Конференция запомнилась по буфету, где мы впервые за службу пили лимонад и ели коржики. Были мы одеты в парадки — так сказать, обновили свои парадные мундиры. Сама же конференция прошла нормально. Были отмечены успехи и недостатки, ну, в общем, как и на любой комсомольской конференции. Только выступали командиры и политработники. Приветствовали нас юные пионеры с горном и барабаном. Было здорово.

Назад шли уже в темноте, на улицах не было горящих окон, сплошная темнота — и это в 8 часов вечера.

В общем, все остались довольны этой увольнительной конференцией. Разнообразие всё-таки в нашей жизни.

Сижу я в ленинской комнате, включён телевизор, идёт фигурное катание, которое мне мешает сосредоточиться.

Скоро уже Новый год, всего каких-то двадцать дней осталось. Присягу мы ещё не приняли, потому что стоит туман и мы не может поехать на стрельбище.

Узун-Агач, 23 декабря 1977 года

Постепенно привыкаю к новому образу жизни, к подъёмам и отбоям. Почти как в «Мцыри»:

Потом к казарме он привык,
Стал понимать команд язык.

Здесь зима продолжается, морозы то ниже – 20°C, то выше, но снег лежит и пока таять не собирается. У нас в Узун-Агаче вспышки гриппозные, а потому запрещены увольнения на весь январь 1978 года. Так что любовницу завести не удастся...

Скоро уже 1,5 месяца, как мы расстались на перроне Красноярска. Тогда мне казалось, что служить буду в Абакане, не очень далеко от вас, а вышло совсем иначе. Увезли меня далеко от вас, к китайцам, у которых солдаты ходят в кедах, а значит, бегают легко.

Помнишь, мы договаривались к морю съездить? Пока это всё далеко, но раз договорились, то обязательно съездим.

Узун-Агач, 25 января 1978 года

Ты спрашиваешь, как кормят в армии. Знаешь, есть такая пословица: «Сытое брюхо к учению глухо». Вот, исходя из этой пословицы, и кормят в армии. Но говорят, что в конце службы и это не съедают, остаётся. Но до этого мы ещё не дослужились.

Ты как-то спрашивала, не надоедают ли мне сапоги и умею ли я наматывать портянки. Могу сказать тебе со всей ответственностью, что портянки наматывать умею (хотя поначалу стёр очень правую ногу), а к сапогам я привычный. Ведь я в школу осень и зиму в сапогах ходил, в деревне ведь жили, а там сапоги — главная обувь. Так что на сапожном фронте у меня особых осложнений не предвидится.

Узун-Агач, 11 февраля 1978 года

У нас морозы продолжают, но днём выглядывает солнышко и теплеет. У меня свои дела и свои заботы. С утра сегодня и до обеда работал на теплотрассе, кидал земельку и бетон. После обеда участвовал в генеральной уборке классов и полигонов. А вот теперь в ожидании бани пишу вам письмо.

Узун-Агач, 2 марта 1978 года

Это моё первое письмо из весны. Да, на календаре уже весна, а это значит, что одну зиму мы прожили, и осталась нам

одна зима. Весна началась у нас заморозками, до -18°C , тогда как в конце февраля мы с такими заморозками знакомы не были. Но, несмотря на градусы, чувствуешь весну. Пишу я вам из караула, впервые сменил пост и смену. Хожу по диагонали матрицы, 2 пост 2 смена, теперь 1 пост 1 смена. Осталось побывать на третьем посту в третьей смене — и вся диагональ будет пройдена. Всё-таки весна приподнимает настроение. Начинаешь больше верить в лучшее, нежели ожидать худого.

Узун-Агач, 2 марта 1978 года

Пишу вам письмо из одного и того же караула. Первое получилось маленьким, какое получится это, я не знаю. Видел я здесь все погоны, начиная от ефрейтора и кончая генерал-полковником. И всех этих генералов видел в нескольких шагах, так что теперь меня можно удивить только маршалами, но их мне вряд ли доведётся увидеть. Но и того, что я видел, хватит надолго — во всяком случае, на всю службу. В подробности вдаваться я права не имею, но то, что на командиров всех рангов я насмотрелся, это уж точно. В карауле я уже успел побывать и агитатором, и группком-соргом, и редактором. Писал заметки, раскрашивал рисунки и т.д.

Знаешь, мне в голову пришла интересная мысль, которая, наверное, тебе не понравится, но которой я хочу с тобой поделиться, ибо больше мне делиться не с кем.

Так вот, слово «культурный» обозначает человека, который исповедует культуру, т.е. человека, который не сорит ни в прямом смысле (бросать бумажку), ни в переносном (калечить душу и т.д.).

И вот ещё одна мысль, наверное, не оригинальная, но когда стоишь на посту, много мыслей посещают голову.

Если разнообразие длится достаточно долго, то оно становится однообразным. Как ты считаешь, правильно это или нет?

**Рядовой Советской армии
Виталий Неизвестных**

Узун-Агач, 15 марта 1978 года

Сегодня снова иду в караул, а значит, есть немного времени, чтобы поговорить с вами.

У нас сегодня шёл дождь всю ночь. Настоящий дождик весенний, а может быть, осенний. И носились мы сегодня по лужам совсем как в детстве, только не босиком, а в сапогах. Кстати, у меня один сапог уже протёрся, а ведь сапоги даются на 9 месяцев. Так вот:

Прохудился мой сапог,
Чтоб сухим я быть не мог,
Чтоб гуляли в нём ветра
Года этак полтора...

Узун-Агач, 17 марта 1978 года

Должен вас огорчить (сам очень огорчён). А дело в том, что одно ваше письмо (№ 68) затерялось где-то и не пришло ко мне. Это уже второе потерянное письмо, первым было 39. Куда они могли запропасться, ума не приложу. Письмо ваше с фотографиями получил, большое спасибо за фотографии.

Сутки был в карауле, не мог вам написать, а сегодня утром в сопки бегали. Километров 8 отмахали в противогазах без перекуров, а потом сопки штурмовали. В общем, было нормально, если не сказать больше.

Трудно быть солдатом с высшим образованием. Служить на 0,5 года меньше, чем остальным, а значит, и отношение недовольное. Со стороны сержантов упор делается на «излишний ум», что проявляется в вопросах типа: «Ты что, слишком умный?»

С точки зрения командования вузовцы должны нести бóльшую ответственность за дела взвода, роты. Вот и пребываешь между нескольких огней.

Вот написал кто-то анонимку — и сразу вызвали «вышников»: видите ли, там стиль «высокий».

Не успели от командиров выйти, как сержанты стали выяснять, достойны ли они уважения. Вот такие наши высокие проблеммы. «Куда ни кинь, везде клин».

Все ребята ждут окончания учебки, как лета соловей. Вы только сильно не расстраивайтесь, «всё пройдёт с зимой холодной». А письма мне пишите, я их очень жду.

Узун-Агач, 3 мая 1978 года

А у нас из части два человека уже уехали домой. Один в Алма-Ату, другой в Лесосибирск. А у меня ещё целый год

впереди, длинный-преддлинный год. Что вам сказать о моей жизни? Жду отправки со дня на день, «чемоданы», правда, ещё не собраны, но собрать их недолго. Помнишь пословицу: «Голому собраться — только подпоясаться»?

Алма-Ата, 6 мая 1978 года

Вот и кончилось моё пребывание на «дереве высоком». Сегодня в 7.00 мы сели в автобус и поехали в Алма-Ату. Сейчас вот сидим в Алма-Ате, ждём «попутного» поезда, чтобы ехать в Новосибирск, вернее, под Новосибирск, где предстоит провести ещё годик. Много на вокзале солдат едут на дембель, отпахали по два года и свободны. Ну а мне ещё год в родной Сибири, в рабочем посёлке Коченево близ Новосибирска, служить. Всё-таки буду к вам поближе, да и вообще почти на родине.

Здесь ещё в мае жара под 30°C, ну а что будет в июне-июле?!

Вокзал в Алма-Ате красивый и светлый, из стекла и бетона, слеплен в 1974 году. Алма-Ата сейчас вся зелёная и симпатичная. Может быть, в Барнауле к поезду подойдут мои родственники в полном составе, если успеет телеграмма дойти до Тогула.

Рюкзачки у нас битком набиты всякой всячиной, т.е. имуществом, положенным по штатному расписанию, а поверх рюкзаков ещё и шинели в скатке. Одеты мы в парадки при ремнях и сапогах. С нами ребята наши едут в Хабаровск через Красноярск, в числе их двое из универа, химики...

Коченево, 5 августа 1978 года

Наконец-то выпала свободная минута (я стою в наряде по роте), чтобы написать вам письмо.

Вот и начался август, последний месяц лета. А в Кочках вот уже с неделю стоит самая настоящая осень, с холодным ветром, дождём и вечными тучами. Состояние воинов можно охарактеризовать двумя словами: «Ждём снега». К тому же мы теперь едим в лесной летней столовой, поскольку зимнюю (демисезонную) столовую закрыли на ремонт.

Коченево, 19 октября 1978 года

А вчера я был в командировке. Ездил за сеном. И работа была гражданская, и, соответственно, еда гражданская. Погода была не очень холодная, потому что даже наверху (на машине с сеном) мы не замёрзли. Правда, чуть на бочок не легли с сеном, но всё обошлось. Воз скособочился, потому что передок слабый сделали. Приехали мы, уже темно было, столкнули сено, поужинали крепко и поехали в часть. В общем, день был трудовой

Играем в шахматы. Коченево, 1978 год

Коченево, 17 ноября 1978 года

Вот получил от вас сразу два подарочка — перевод и посылку. Большое спасибо! В посылке всё дошло нормально, только стряпня немного засохла и крошилась. Кексикки получились очень вкусные, все, кто пробовал, очень их хвалили. Ну а писем от вас я давно уже не получал, они, наверное, всё ещё в пути.

Жизнь моя теперь течёт по другому принципу, чем раньше. Большинство времени я провожу под землёй и уже привык к новой обстановке. Не знаю, как дальше, но ноябрь по такому принципу и пройдёт. Время, конечно, проходит быстро, но ничего делать не успеваю. За последнее время прочитал третий том сочинений Симонова. Там «Дым отечества» и «Товарищи по оружию». А сейчас читаю книгу «Человек среди людей» из «Эврики». Там много про психологию детей сказано, и что-то может быть полезно учителю.

Коченево, 19 декабря 1978 года

Вот и кончается самый длинный наш год, кончается...

Из моих 24 годков ни один не был таким длинным как этот. Интересно, как будем мы его вспоминать через год, через два?

Странно, ведь человек сам себе создал время, понаделал разных часов, а время не очень-то и подчинилось человеку. Одинаковые вроде минутки, а по-разному делятся: одни короткие-короткие, а другие длинные-предлинные. Скорей бы уже кончались разлучные наши минутки. Как интересно, раньше по 3-4 года служили, там, наверное, совершенно другими людьми из армии приходили...

Коченево, 18 января 1979 года

Что сказать о себе? Я тут больше недели уже дежурю, не переставая. На Божий свет выхожу позавтракать, пообедать и

и весёлый. А вообще у нас сейчас занятий до 15 ноября не будет, вроде трудовых каникул. Пока молодёжь приедет, дембеля начнут уезжать, вот тут новый учебный период и начнётся. Высылаю вам свою фотографию шахматную в ленинской комнате.

поужинать. Сейчас по утрам и вечерам и есть-то не очень тянет. За обедом поклюёшь немного, и всё. Посмотришь на молодёжь, так они всё подряд подметают, а тут уже не лезет. Главные хозработы зимой — это уборка территории от снега, которого здесь предостаточно, степь ведь как-никак. Слышал я, что у вас морозы — 60°С. Как вы их выдерживаете? В шахматы я уже давно не играл, с тех пор как турнир проводил на первенство части.

Коченево, 4–5 февраля 1979 года

Я усиленно читаю Льва Толстого. Прочитал «Детство», «Отрочество», «Юность», «Повести и рассказы» и вот теперь добрался до «Воскресения». Так, глядишь, через «Анну Каренину» до «Войны и мира» доберусь. Наверное, я просто возрастом дошёл до таких книг. Как бы то ни было, но мне нравится читать Толстого. Такие интересные наблюдения и зарисовки людских характеров и судеб. Я даже выписки делаю, что со мной давно не случилось. Почему-то ты эти книги давно прочитала, а я вот только до них дошёл. И нельзя сказать, что я мало читал; напротив, я много очень читал, а вот до Толстого только по-настоящему добрался.

Коченево, 6–7 февраля 1979 года

Странно как-то получается с письмами. Я только сейчас подумал, что письма всегда получаешь из прошлого и отвечаешь прошлому, а идут они в будущее. Странно, правда же? Я разговариваю с тобой прошлой, а ты уже будущая. Такое впечатление, что время может туда-сюда двигаться. То ты будущая разговариваешь со мной прошлым, а то наоборот. А вот разговора в настоящем времени не получается. Как будто два маятника в разные стороны с одинаковыми амплитудами (а может, с разными) колеблются. Крайние точки как раз и есть момент получения письма. Середина — настоящее. Левая крайняя точка — прошлое, правая крайняя точка — будущее. Интересно получается, правда же? Мы вроде бы и встречаемся, но на мгновение, за которое ничего не успеваем сказать друг другу. А вот когда кончится наша разлука, тогда маятники начнут колебаться синхронно. Ведь в пустоте маятники должны двигаться бесконечно, так? Тогда сопротивление воздуха можно сравнить с «сопротивлением жизни» (этот термин я сам придумал). От сопротивления воздуха замедляется движение маятника, а от сопротивления жизни человек стареет, т.е. тоже замедляется. И вот когда учёные начнут преодолевать сопротивление жизни, тогда человек станет бессмертным (жизнь будет бесконечной, как движение маятника в пустоте). Мне было очень интересно услышать твоё мнение об этих моих мыслях.

Коченево, 16 февраля 1979 года

Здравствуйте!

Сегодня до обеда я приобщался к животноводству, которое, как известно, ударный фронт. Тут неподалёку есть животноводческий комплекс, и наша часть осуществляет над ним шефство. Вот сегодня в качестве шефов мы ездили помогать. Солдатская помощь обыкновенно состоит в применении физической силы. Не был исключением и сегодняшней день. Мы помогали брать кровь на анализ у коров. Система помощи довольно проста. Берётся верёвка достаточной длины, и из неё делается петля. Далее вы забираетесь в кормушку, становитесь на транспортёр (лицом к корове) и пытаетесь взять быка (т.е. корову) за рога. Иногда вам это удаётся сразу, иногда нет. Ваш успех зависит от нескольких причин.

Во-первых, от вашей сноровки. Если вы жили среди кочевников или ковбоев и имели дело с лассо, вам успех гарантирован.

Во-вторых, ваш успех зависит от характера (т.е. нрава) коровы.

И в-третьих, от того, как привязана корова, на совесть или на авось.

Но будем считать, что все препятствия преодолены и вы добились успеха.

Успех же состоит в том, что вы притягиваете голову коровы к железной трубе таким образом, чтобы ей не хотелось вертеться. На этом, собственно говоря, ваша миссия исчерпывается.

Подходит «кровопийца» с иглой от шприца, пробиркой и резиновым жгутом. Он перетягивает корове шею, вонзает иглу в вену и подставляет пробирку под струйку горячей крови. Далее пробирка в спешном порядке нумеруется и кладётся между двумя слоями ваты, чтобы она не остыла. Вот и всё. А вы просто переходите к следующей корове. Перед работой нам для храбрости выдали по паре беляшей и по стакану чая. Я до сих пор теряюсь в догадках, т.е. не могу понять, чем припахивали беляши и сколько дней назад был заварен чай. Эта поездка прервала однообразие моих занятий, а потому я вам её так подробно описал.

Коченево, 20 февраля 1979 года

Получил от вас, как в старые времена сразу три письма (7, 8 и 9). Конечно же, был очень рад.

Мне как-то странно читать про ваши морозы под 60. У нас уже недели две стоит чудная, почти весенняя погода. Ниже — 25°C температура не опускается, а у вас такие морзяки, что мороз по коже дерёт. А ещё у нас здесь по вечерам такое небо красивое бывает, что, кажется, я никогда не видел. Там, знаешь, все оттенки голубого

и синего цветов. Так и хочется это красками передать, чтобы вы тоже увидели. Жаль только, способностей нет к живописи, а то бы я вам подарил здешнее небо. Здесь в поле ветер так сильно «ласкает» снег, что он везде твёрдый становится и волнами идёт. На лыжах неудобно кататься. Сделаешь лыжню, а её выдувает, и остаются, как выступы, следы лыж. Так что снова по старой лыжне не проедешь. У нас многие ребята уже перестали письма домой писать. Написали, чтобы, мол, ждали, и всё. Сны, понимаешь ли, многим уже снятся, и всё больше о доме и о доме. И засыпают плохо по ночам весенние дембеля. Вот такие-то делишки. Ну а жизнь течёт почти без изменений по наезженной колее. Одни и те же занятия, одни и те же работы, всё более или менее привычное. Посмотришь на себя — вроде бы ещё много осталось, почти три месяца. Посмотришь на других — а ведь им поболее: кому девять месяцев, а кому и год с девятью месяцами. Но они пока не волнуются, знают, что далеко, и не думают. А тут даже и не верится, что бóльшая часть разлуки позади, и оставшиеся месяцы кажутся нескончаемыми.

Коченево, 10 марта 1979 года

Как ни странно, но праздник подзатянулся, а значит, очень мала вероятность получить от вас письмецо. Женщины, работающие на почте, «забастовали», а мы получаем только газеты и телеграммы.

Хоть дни и медленно идут, но весна всё-таки чувствуется. И по солнцу, которое вовсю старается, и по снегу, который стал мокрым и тяжёлым. Конечно, до подснежников ещё далеко, но дыхание весны уже тепло и ласку дарит.